

Похороны были пышными. Съехалась вся братва на своих порш-кайенах и мерседесах S-класса, все «серьёзные» люди Екатеринбурга и Урала. Мэр города, почивший в бозе от внезапного сердечного приступа, оставил за собой много незавершённых дел, которые теперь предстояло поделить. Тело усопшего закопали в землю, а наблюдающий за похоронами искин уже анализировал личные дела всех приехавших, ища новых мздоимцев. Право слово, такого даже в знаменитом «Ревизоре» встретить сложно – воровали все, причём со страшной силой и небываемым энтузиазмом. Те, кто в городе ещё в девяностых куралесил – практически поголовно замешаны в тёмных делишках, а с такими людьми дела не сделаешь, вот искин и решил подчистить кадровый состав екатеринбургской администрации. Исполнители были выбраны из дроидов-диверсантов, санкция руководства получена и операция «смерть с косой» началась.

Первой жертвой стал мэр города, самая вороватая, коррумпированная и грязная сволочь во всём Екатеринбурге. В тот же день взорвался газопровод в особняке мэра, куда поехали помянуть погибшего его бывшие поделщики. Минус семнадцать человек, четырнадцать из которых были поделщиками, а остальные – семья мэра. Сын-наркоман, жена, участвовавшая в отмывании денег и друг семьи, так сказать, прокурор города. Екатеринбург – город провинциальный, далеко от Москвы, поэтому тут ещё не в полной мере отошли от девяностых. Среди криминала начался настоящий ренессанс девяностых – две банды устроили шумную перестрелку недалеко от города. Знающий об этом Берси послал пару дроидов с автоматами Калашникова. Результат – убиты все участвовавшие, добыты те, кто на стрелки не приехал. Ещё одна банда сгорела заживо в квартире. Решётки на окнах и тяжёлые стальные двери оказались заварены наглухо. Приехавшие на вызов пожарные ничем не могли помочь горящим.

Воздух в городе стал немного чище – подозрительно быстро исчезло большинство нищих, цыгане вообще обходили город стороной – их казнили так же, как и бандитов. Да они и были бандитами – среди цыган честно работать не принято, детей с малых лет учат криминальным специальностям, используя по полной – сначала ходят с ними, просят милостыню, потом дети бегают, разносят наркоту, чуть постарше – занимаются щипачеством и мелким воровством. Успешные продвигаются дальше по криминальной карьере.

Семьдесят два человека – весь табор, оказались оглушены, связаны и оставлены в горящем доме с заблокированными выходами. Как бы они не думали о себе, огонь всё расставил по своим местам.

Но на этом чистка только начала набирать обороты. За один день от инфарктов, инсультов, прямо на рабочих местах умерли шестьдесят семь чиновников города, от главы геодезической службы, который приторговывал разрешениями на строительство до главного по общественным местам, который сдавал солидную часть общественных территорий в аренду.

Чистка закончилась, только когда счёт убитых перевалил за пять тысяч. Для одной недели – огромные жертвы. Город оказался обезглавлен полностью. Каждый чиновник, пришедший утром на рабочее место, обнаруживал на столе записку о том, что если они начнут воровать и брать взятки, вторая волна казней будет максимально жестокой, их сожгут заживо, вместе со всем имуществом и семьями.

Финалом стала казнь главной мафии. Что бы проделать такое, пришлось воссоздать противотанковый ракетный комплекс. Ракеты попали точно по машинам бывших мафиози. Ещё, что называется «за компанию» Берси почистил городской криминал, особенно неадекватов – убийц и насильников, вышедших с зоны и представляющих серьёзную угрозу для города. Несколько десятков человек были застрелены из снайперских винтовок западного образца.

* * * *

– Утро доброе, – молодой мужчина, лет тридцати, подозрительно вежливо улыбнулся, – чем могу быть полезен?

– И вам утра доброго, – я зашёл. Поработал тут Берси! – У меня были кое-какие проекты с предыдущим мэром...

– Я недавно вступил в должность... мне, пока что, не докладывали обо всех проектах моего предшественника, – он явно чего-то боялся. Ну, понятно чего. Вдруг я его склонять к взяточничеству буду и его тоже того. Хотя и приставили охрану из ФСБ, а всё одно было боязно...

– Не беспокойтесь, ничего предосудительного. Наоборот, мы занимались социальными проектами, инфраструктурой и промышленностью. В частности, насколько, я думаю, вам известно, мы активно строим монорельсовую дорогу...

Мэр кивнул:

– Да, конечно. Монорельс, как же я забыл про него?

– Ерунда. У меня к вам есть не менее интересные проекты, – я выложил перед мэром две папки, – первый – это проект реэлектрификации. Если коротко – я готов продавать жителям города электричество. По одной копейке за киловатт-час...

– Сколько? – у молодого мэра округлились глаза.

– Киловатт-час. Копейка. Одна. По моим подсчётам, если граждане полностью перейдут на электричество, в отоплении, кухне и горячем водоснабжении, годовые затраты на электричество будут в районе тысячи рублей. Смекаете, к чему это я?

Мэр задумался. Я прямо таки слышал, как скрипели его извилины. Ну, же, родной, рожай уже мысль!

– А что будет с электростанциями города?

– Смотрите, – я сел перед ним, за стол, – сейчас администрация города занимается подготовкой к сезону отопления, тратит деньги на содержание труб горячего водоснабжения, отопления, закупает большое количество угля и газа. Деньги берутся от потребителей, но, тем не менее, содержание всего этого хозяйства влетает в золотую копеечку. Мороки с этим много, мы не на лазурном берегу живём, зимы тут лютые.

– Но мы всё же имеем доход с квартплаты, – не согласился мэр.

– Квартплата будет, только значительно меньше. Смотрите, убираем из ежемесячного счёта пункты газ, отопление, горячая вода, и оставляем один – электричество. А цена на электричество может быть снижена, за счёт новых технологий, в отличии от цены на газ и уголь.

Глаза мэра пробежали по листку с бизнес-проектом. Он одобрительно хмыкнул:

– Предположим. Вы же не будете всегда такой добрый? Да и разница в цене электричества сильно ударит по карману ваших конкурентов, а это...

- Да, моим конкурентам не позавидуешь. Но это, как говорится, уже не моя проблема. Я предлагаю реэлектрифицировать сначала новостройки - провести там кабели, способные выдержать впятеро больший уровень потребления. А потом - провести разъяснительную работу с населением, намекнуть руководителям крупных сетевых магазинов о том, что скоро начнётся спрос на водонагреватели и электроотопители...

Мэр задумался:

- То есть, просто снизится счёт за электроэнергию... а где тут ваша выгода?

- Моя выгода проста - город будет развиваться. Причём дешёвое электричество можно использовать в электропечах. При нём рентабельность электропечи металлургического комбината становится на порядки более высокой, чем у любого другого вида печей...

- Пока я не буду спрашивать вас, откуда у вас это электричество... - намекнул он, - скажем так, если вы гарантируете бесперебойную подачу электричества - мы сможем договориться...

- Гарантирую. Суть моего проекта проста - вы постепенно снижаете нагрузку на эксплуатацию ТЭЦ, тепломагистралей, газопровода, за счёт уменьшения затрат, граждане увеличивают благосостояние, соответственно, ваш рейтинг растёт с каждым реэлектрифицированным домом. Затраты на новое оборудование могут нести и сами граждане, только нужно провести разъяснительную работу, на пальцах объяснить им, сколько они будут должны платить за электричество...

- А может, пока не выводить из эксплуатации классические коммуникации? - поднял одну бровь мэр, - со временем все и так перейдут на более дешёвые коммуникации... Скажем, промышленные предприятия?

Тут я поднял руки:

- У меня договорённость с министром обороны. Уралмаш и УЗГА получают роботизированное производство в первой очереди. Но экономическая эффективность их пока что недостаточна, если к этим роботам добавить почти бесплатное электричество - будет эффект.

Мэр кивнул: - однако, мне не хочется разгребать проблемы массовой безработицы. Что бы вы знали, ваша роботизация и без того увеличила кадровую проблему в городе...

- Пока что я заменил людей роботами только на Абстерго-Транспорт, и «Абстерго-Робо». И то, выгнал ленивых, пьяниц, да раздолбаев. Ни один грамотный специалист от меня не ушёл.

- И тем не менее, - возмутился Мэр, - для вас это, может быть, просто бизнес, а у меня в городе почти пять тысяч человек, у которых вчера была работа, а сегодня - голодные дети и биржа труда...

Я развёл руками:

- Ничем не могу помочь. Серьёзно - я таких могу брать только на чёрные работы - опоры монорельса и ЛЭП ставить, или проводить ремонт на объектах. Если хотите - можем с ними поговорить. Но некоторых, которые, уж прости, совсем люмпены, я даже обсуждать не буду.

Мэр ещё немного посверлил меня взглядом:

- И что же это за договор с министерством обороны?

- Я не обсуждаю своих клиентов, - тут же обломал я его, - договор как договор, на этих предприятиях не игрушечные танчики собирают.

Мэр тяжело вздохнул:

- Я понял вас, предложение неожиданное и тут так просто не решить...

- Два раза молния в одно место не бьёт. Предложу Челябинску - Екатеринбург резко захиреет, так как, сами понимаете, мне нужен проект...

Пришлось ему идти на попятную:

- Я же не говорил, что я отказываюсь. Деньги, нужные на этот проект мы где возьмём?

- Что бы электрифицировать один дом, много денег не нужно. Для начала - можно выбрать какой-нибудь дом, недалеко от электростанции. Она расположена на объекте «СИЗ».

Мэр кивнул:

- Хорошо, я согласен. Но согласятся ли граждане? Всё-таки надо будет в доме менять проводку...

- Не надо. Рядом с СИЗ есть дом-долгострой. Я выкупил его для своих сотрудников, реэлектрификацию можно начать с него. А дальше, за ним потянутся и другие. Вот только сдача дома - это долгая процедура. Будут проверять всё - газ, отопление, трубы... а их в доме теперь уже не будет, есть розетка, есть холодная вода - дальше это дело самого гражданина.

- Ну если у вас и дом есть, то зачем тогда столько мороки?

- Один дом - не показатель. Нужно больше, не меньше пяти в первой очереди. А потом протянем электричество на предприятия...

* * *

Стоило мне выйти из мэрии, подъехала моя машина - бронированный УАЗ на электричестве. Я эпатировал общественность, едзя на УАЗике, тогда как все понторезы покупали исключительно иномарки. Да, незачем выбиваться из толпы, тем более, что внутри моя машина была похожа скорее на мерседес, чем на уазик. Водитель - из наёмных, ждал меня около выхода.

- Куда едем? - спросил он, как только я сел в машину. На улице стоял морозец.

- Куда-нибудь, где можно пожрать. И не в ресторан, а в приличную кафешку.

Водитель кивнул и мы отправились.

- Берси? Ты тут? - мысленно спросил я.

- Безусловно. Слушаю вас?

- Процесс революции запущен. Что мы сможем иметь в Екатеринбурге?

- Список?

- Да, - я зевнул, устроившись поудобнее и сам себе напоминая этого, который с шуриком на стройке был. Жужжи мне про космические корабли, бороздящие это, как его... космос...

Берси отозвался:

- На данный момент у нас имеется Абстерго-Электроника - уникальное производство, Абстерго-Транспорт, в который вошли Бывшие «Уральские Локомотивы», «Уральский Лифтостроительный Завод», Абстерго-Робо - «Уралэлектротяжмаш», «Уральский Электронный Завод», «Свердловский Инструментальный Завод», завод «Композит» и ведутся переговоры по «Уральскому Заводу Точной Механики» и «Уралкабель».

- Роботизация?

- На данный момент полностью роботизированы только Абстерго-электроника и Абстерго-Транспорт. Предприятия Абстерго-робо были получены на баланс недавно и пока идёт процесс разработки плана роботизации, исходя из будущих потребностей, - скучным голосом ответил Берси, - зачем нам столько разрозненных предприятий?

- Я задумал сделать из них более крупное предприятие и вынести его за черту города.

- На это нет денег. На данный момент семьдесят процентов имеющихся средств - почти миллиард долларов, был потрачен в процессе скупки акций и в качестве отступных для акционеров, решивших стать акционерами наших предприятий...

- Ну что ж, - я пожал плечами, - уже вполне достаточно. Продолжай роботизировать производства. Главное для нас пока что - закончить с созданием роботостроительного предприятия, а когда это будет сделано - можно будет браться за тяжёлое машиностроение и заказы министерства.

* * *

Стив Роджерс зашёл в город. Город, откровенно средневековый, люди грязные, места мало... Пегги шла рядом и старалась не дышать носом.

- Пошли туда, - Стив показал на таверну, на вывеске которой был изображён гарцующий пони...

Таверна ничем не примечательная, но древняя — просто ужас. Роджерс открыл скрипучую дверь и вошёл внутрь. На него, и в особенности — на Пегги уставились все, кто был в заведении. Не лишним будет сказать, что в местах этих узкие джинсы и толстовка — совсем не то, что носят девушки. Оружия у незнакомцев не было, одежда чистая, как будто только что сшита, лица тоже были малость не похожи на местных, разве что благородных. За коих их и приняли. Простодушный толстяк — хозяин таверны, встретил гостей:

— Проходите, гости дорогие. Чего желаете?

Стив Роджерс подошёл к стойке, рядом с ним держалась и Пегги.

— Нам бы узнать, как отсюда добраться до столицы...

Бармен погрузился, осмотрев зал:

— Останавливаться не будете?

— Нет, к сожалению, у нас нет денег.

— Это как же вы до столицы, да без денег? — удивился Барлиман Баттербур.

— Доберёмся, — Стив переглянулся с молчавшей Пегги. Та решила взять ситуацию в свои руки:

— Может, вы знаете, где тут ближайший город?

— Вы что, с неба свалились что ли? — Ещё больше удивился Барлиман.

— Ну... если пропустить детали, то да. Сколько стоит у вас переночевать?

— Двадцать фартингов, если с завтраком — сорок...

Пегги продолжила допытываться до бармена, однако, их прервал появившийся в таверне молодой человек. Явно не местный, уж больно прилично выглядел. Бармен извинился и повернулся к пришедшему:

— Опять ты?

Стивен обернулся, быстро осмотрев вошедшего. Это был мужчина среднего роста, худощав, жилист. Он подошёл к ним:

— И тебе не кашлять, Барлиман. Я здесь до завтра, есть ещё комнаты?

— Как не быть, как не быть, — Барлиман разболтался, — комнат нынче маловато, но на чердаке одна есть.

Бродяга выложил на стол пару золотых кругляшей: неделю проживу.

— Тогда эля тебе за счёт заведения. Вчера только привезли, ой, хороший, добрый эль, тебе понравится...

Пожав плечами, бродяга отошёл в сторону и занял место в углу, откуда хорошо просматривался вход в зал. Людей тут было немало, десятки, трактир был очень оживлённым. Стив осмотрел их, после чего мысленно спросил у компьютера о наличии в пространственном кармане инвентаря. Инвентарь обнаружился — Щит капитана Америки, вибромеч, подаренный Хьярти, пистолет Глок с цинком патронов, винтовка «Робин», шесть банок тушёнки и десять банок сгущёнки, чёрствы ломтики хлеба и два охотничьих ножа, почему-то три вилки и набор солдатской посуды — термос для супа, фляга. И деньги, куда же без них — пластиковая карточка и две пригоршни мелочи. Стивен без вопросов изъяс из кармана мелочь:

— Может быть, вы возьмёте эти деньги? — Стив протянул горсть монет бармену. На каждой монете был свой рисунок, так как чеканились они с большой разницей по времени. В Америке имеют хождение монеты ещё шестидесятых, причём очень большое хождение. Поэтому большинство монет различается по рисункам. Бизон, орёл, физиономия Вашингтона на аверсе четвертака... Глаза трактирщика округлились:

— Серебро?

— Нет, боюсь, это не такой ценный металл. Сталь и цинк, — засомневался Стив. Пегги ткнула его под столом ногой, но безрезультатно, обманывать трактирщика он отказывался.

* * * *

Февраль. Февраль принёс мне больше проблем, чем выгод. После приснопамятного разговора с новым мэром я приступил к реализации своих проектов. И не менее важно — к реализации проектов, которые должны принести мне деньги. Денег очень не хватало. Локомотивостроение застопорилось на стадии изготовления пробных образцов техники. Выпускать их было негде. В качестве первого проекта стали выпускать широкой серией электровоз «Гранит», с существенными качественными и ценовыми изменениями, а так же переименованный в «Абстерго-ЭГ-10». Уникальный по своей мощности электровоз получил многочисленные модернизации, во-первых — это существенное увеличение качества сборки, во-вторых — новые тяговые электродвигатели, обеспечивавшие на восемь процентов большую тягу, при вдвое меньшем размере, по сравнению с оригинальными. Механическая часть больше была похожа на скоростной поезд — круто пересмотрели все детали, закрыли все части заглушками, больше машинное отделение не напоминало электроцех. Аккуратненькие отсеки, закрытые пластиковыми кожухами, с табличками. В конце концов, электровоз получил компьютерное управление с программируемым по времени или событиям автопилотом. Благодаря этому каждую машину можно было настроить индивидуально под машиниста, вплоть до упругости и чувствительности рычагов управления. Так же, наше Ноу-Хау — это удобная кабина. В электровозе было предусмотрено высокое, настраиваемое кресло, четырёхзонный климат-контроль, удобная уборная и кухня для экипажа, отдельная система видеонаблюдения с камер, расположенных над головной частью тепловоза. И это не говоря уж про то, что вся нужная машинисту информация выводилась прямо на лобовое стекло, с помощью встроенного дисплея, а рукоять управления скоростью была дублирована на подлокотник кресла, что позволяло не держать руки постоянно на пульте. Дизайнер кабины ещё поработал, что бы она выглядела исключительно — все приборы были там, где им быть нужно. Приборов было два типа — классические стрелочные — на всякий случай, при этом, при нажатии на них сверху, они в цифровом виде индицировались на лобовом стекле, и так называемая «стеклянная кабина — три монитора, которые показывали информацию со стандартных систем.

Электровоз, даром, что самый мощный, стал дороже вдвое, но благодаря новым двигателям увеличился ресурс. Директор сначала продал партию из шестнадцати электровозов в Америку и четыре штуки — во Францию. РЖД тоже заинтересовались модернизацией 2ЭС10, но их как-то не устраивала слишком шикарная кабина. Не привыкли тратить большие средства для удобства машинистов. А я что? Машинист должен быть внимателен, чем меньше он устает физически и психически, тем лучше.

В планах у меня было создание по настоящему уникального аккумуляторного электровоза, для которого аккумулятор — основной источник энергии. Именно такой планировалась наша монорельсовая дорога — основным источником энергии на ней был аккумулятор, контактный рельс был только в депо, где составы подзаряжались, прежде чем снова пойти в эксплуатацию. Ночью, соответственно, заряжались полностью, этого должно хватать на два часа езды — при каждом проходе через депо, состав заряжал аккумуляторы ещё на час работы, а при поездке он тратил около половины заряда.

Вообще же, электровозы можно было разделить на три основных типа — контактные, контактно-аккумуляторные и аккумуляторные. Контактные — контактировали с электросетью, стоили наиболее дешево, при этом не имели запаса энергии. Контактно-аккумуляторные — подзаряжали аккумуляторы и шли по контактной сети, при необходимости проезжая до нескольких часов между участками на аккумуляторах. И аккумуляторные электровозы — подзаряжались только в специализированном депо и имели отдельный аккумуляторный «тендер», при этом могли проходить до двенадцати часов между зарядками. Аккумуляторные стоили больше всего, но были и самые экономичные. Они не требовали создания и содержания

электросети, при этом заряжались в течении одного-двух часов. Совмещение контактно-аккумуляторного с аккумуляторным было не рентабельно. Если поезд курсирует там, где есть сеть — незачем тратить на дорожные сверхёмкие ионисторы, а если там, где сети нет — незачем всовывать в него пантографы, ведь нужен будет ещё и трансформатор, и система заряда от электросети, совсем не предназначенной для заряда аккумуляторов...

Для дальнейшей деятельности мне нужны были деньги. Да, директор активно скупал предприятия Екатеринбурга, включая их в подразделения группы компаний, более того, он их постоянно модернизировал и улучшал, что так же требовало денег. После входа в эксплуатацию ещё одной линии главного моего завода, в середине февраля, выпуск смартфонов ещё увеличился, увеличился и выпуск наручных часов с навигатором «Геос». Мой расчёт оказался верным — упрощённая до уровня компаса со стрелкой, указывающей на нужное место, система навигации становилась намного более простой и понятной, не требовала постоянно зыркать и тыкать на карту. Часы уходили по тысяче долларов за штуку — вполне приличная цена за девайс. Пятьсот девайсов в день — уже полмиллиона, из которых тысяч триста долларов — ежедневная чистая прибыль.

Второй этап был в стадии завершения — сперва я заработал денег, потом начал модернизировать местные предприятия, потихоньку скупая их один за одним... Инструментальный завод, оптико-механический, завод автоматики, объединившись в единый центр роботостроения «Абстерго Робо» занимались разработкой новых промышленных роботов и инструментов для министерства обороны. В рамках контракта между нами, мои сотрудники уже начали вплотную контактировать с заводами и предприятиями ВПК. По отдельности инструментальный, оптико-механический, машиностроительный, композитный, и иные заводы и КБ не могли создать промышленного робота. Даже странно, что будучи в рамках одного города, они этого не сделали.

Иногда я заходил в местные магазины. В конце февраля, как раз, сподобился. Взял с собой тележку и пошёл посмотреть, что есть вкусненького. Полки, мягко говоря, ломились от продуктов, всего было в достатке. Я даже не знал, чего хочу взять, поэтому некоторое время просто походил по залу, изучая ассортимент и думая о своём. В зале, как во многих приличных магазинах, был широкий прилавок, где торговали готовыми блюдами и колбасами, сырами, ещё живой рыбой. Взял из этих самых блюд ведёрко салата, палку хорошей колбасы, батон свежего хлеба и две бутылки лимонада, угостил водителя, который ждал меня на улице. Куда интереснее было посмотреть на ассортимент технических магазинов. Это могло навести меня на мысль о том, где и как я смог бы заработать денег. К сожалению, деньги это вещь такая — никогда не знаешь, что будет успешным, а что принесёт одни убытки. Вот мои часы — оказались успешным проектом, а планшет — убыточным. В отличие от смартфона, его не спешили покупать, так как для игр использовали настольные компьютеры, а для всего остального хватало и обычных планшетов и даже смартфонов... Итого — ушёл в минус, на складе скопилось несколько тысяч непроданных планшетов... Производство пришлось свернуть.

Я всерьёз задумался о извлечении выгоды с помощью продажи электромобилей. Электромобиль с ионисторами стоил примерно в пять раз дороже классического аккумуляторного. Зато у ионистора срок службы — несколько десятилетий. Электродвигатель имел же срок службы значительно больший, чем у машины, а конструктивно такая машина была проще — не было трансмиссии, так как мотор располагался на мосту, не было коробки передач, так как электромотор её не требует. Теоретически, можно было бы обратиться в Ульяновск, на УАЗ, или в ВАЗу. Ульяновску я доверял всё-же побольше... Теоретически же, у меня была возможность выпускать автомобиль собственными силами — с помощью уже имеющихся предприятий, если загрузить их производством комплектующих. Но

промышленная автоматика была намного более выгодным бизнесом. И укладывалась в мой сценарий развития государства, что не менее важно.

Проблема финансирования проектов успешно разрешилась. С помощью министерства обороны – переоборудование «Уралмаш» и «УЗГА» закончилось, результатом стал значительный прирост эффективности предприятий. Им было поставлено оборудования общим счётом на четыреста миллионов убитых енотиков, а мне в ответ – около двухсот миллионов аванса. С копейками. Остальное – пока рано, но я и не торопился, тут привыкли всё делать медленно, пока раскачаются, пока расшатаются, пока рабочие смекнут, что куда... Главное – значительно увеличили технологичность производства танков, а это в свою очередь – значительно повысило возможности танкостроения на предмет выпуска современных машин. Себестоимость продукции снизилась на пять процентов, а непосредственно ручной труд при его создании – почти вдвое. Монтаж всего оборудования делался роботами, сборка машин – роботами. Мужиков со станками заменили токарные центры с полным программным управлением, обслуживаемые так же, роботами – заготовки устанавливали и вынимали готовые детали манипуляторы, убирали стружку и меняли насадки подвижные роботы. На месте делали всю трансмиссию и коробку передач.

Переподключение Уралмаша на моё электричество снизило затраты на производство тяжёлых машин на двадцать четыре процента, по отношению к прошлогодней цене. При этом переоборудованный Свердловский Инструментальный Завод гнал токарные центры с ЧПУ, а так же оборудование для электроиндукционной закалки, рабочие головки для манипуляторов и токарных станков, Электронный завод производил автоматику производственных линий – конвейеры, средства управления и контроля, датчики и контроллеры, собирал компьютерные терминалы доступа. Всё это – для создания собственных заводов, так сказать – основной производственной мощности.

Весь процесс был разобран по деталям Директором, который и воплощал планы в реальность, а я только смотрел, как они выполнялись. Десятого марта выехал на презентацию моего нового завода по производству промышленных роботов марки «Уралбот». Уралботы – это довольно грубые, но эффективные промышленные роботы, которые делались на основе купленных и переоборудованных предприятий, с темпами, значительно более высокими, чем производство промышленных роботов «Абстерго». Да и технически они были иными – менее совершенные, намного менее дорогие и менее эффективные. Зато в обслуживании они были намного проще, и адаптированы «для пролетариата», то есть понять принципы их работы мог любой, более-менее образованный гражданин. Самым сложным уралботом был промышленный манипулятор, размещённый на колёсной платформе – этот мог свободно перемещаться по цеху, только нужны были маркеры-наклейки и программирование плана цеха. Встроенное ПО позволяло ему найти своё рабочее место и распознавать станки, оборудование, продукцию, людей, инородные объекты.

Старт бренда «уралбот» прошёл на ура. Презентация была закрытой – приглашены только руководители крупных предприятий Екатеринбурга и вообще, Урала. Нижний Тагил, Челябинск. Презентацию проводил я.

Вышел перед публикой – две дюжины человек, в деловых костюмах, видно, примарафетились перед посещением богемной тусовки. Обставлено всё было именно так – в одном из залов разместилась первая крупная партия моих роботов. Они занимались мелкой работой, рядом с ними стоял «Богатырь», тот самый, предназначенный для металлургов. Манипулятор, грузоподъёмностью сорок тонн, в котором использована схема с жёсткой механической

передачей – центральный двигатель располагался в основании, это тяговый двигатель от грузового электровоза, двигатели помельче – в каждой оси, они, через редукторы, обеспечивали движение по осям. Обычно такие мощные роботы делаются гидравлическими, но я возиться с гидравликой не хотел. Остальные же были и вовсе с ременной передачей крутящего момента, или пневматическими. Дёшево и сердито, хотя уровень пневмопривода и не позволял позиционировать рабочий орган так же точно, как механика... На презентации, конечно же, присутствовали люди из Минобороны – главы предприятий ВПК. В целом – интеллигентные люди, недавно главу Уралмаша застрелили – взятки брал, воровал по-чёрному, с таким «партнёром» дела делать я не хотел. Вот Берси его и почистил, в общем порядке. Новый был моложе и значительно более честный.

– Господа! – я подошёл к маленькой трибуне, – поскольку презентация закрытая, я не буду говорить традиционных рекламных фраз, будем говорить за ваши деньги, а не за мои собственные. Почти год назад я получил заказ, персонально от министра обороны. Заказ простой – разработать простой и эффективный, а главное – дешёвый промышленный робот для ВПК. Суть работы сводилась к тому, что робот должен быть простым, надёжным, универсальным и эффективным. Имеющиеся в ассортименте компании Абстерго-Робо промышленные роботы не подходили по одной простой причине – они значительно сильнее, быстрее и точнее аналогичных агрегатов от ведущих мировых брендов. И значительно дороже, что немаловажно – Россия, конечно, пытается не отстать от последних заводских тенденций, но вопрос цены стоит остро. Повальная роботизация, как показал опыт моих предприятий, приносит ощутимую финансовую выгоду, но инвестиции вернутся не сразу. Поэтому я занялся разработкой более дешёвого промышленного манипулятора. Получилась целая линейка схожих по техническим решениям промышленных роботов. Я назвал эту линейку «Уралбот». Сущность его проста – это дешёвый, простой, надёжный робот, более похожий на военную машину, нежели чем на капризное заводское оборудование. Размеры и характеристики уралботов самые разные – минимальные – предназначены для замены ручного труда и имеют грузоподъёмность до тридцати килограмм. Самый маленький имеет всего три оси и мощность – половина киловатта. Самый большой – четыреста пятьдесят киловатт. Этот робот с кодовым именем «Богатырь» имеет размеры небольшого крана и способен легко манипулировать грузами до сорока тонн, может работать в сложных климатических условиях – на морозе до минус пятидесяти и при жаре до плюс четырёхсот восьмидесяти пяти градусов.

– К чему такие сложности? – спросил кто-то из приглашённых.

– Он предназначен для разноплановой работы, в том числе и в условиях, принципиально недоступных для человека. Это позволяет существенно сэкономить на средствах безопасности и расширить область его применения. Скажем, в металлургическом производстве он может работать непосредственно с расплавленным металлом, так как температура воздуха над ним в пределах его рабочей температуры. Или на морозе – заниматься сложными погрузочными работами, всего один робот на грузовой станции может загружать контейнеры или иную продукцию на железнодорожные вагоны, риск травм среди рабочих снижается, значительно облегчается труд...

– Это то мы поняли, грузовой терминал с роботом – идея не новая, – отозвался директор ЧТЗ, Виктор Ильяминов, – ты лучше скажи, сколько это чудо техники стоит?

– «Богатырь» стоит семьдесят пять тысяч долларов. Аналогичных роботов на рынке нет, так что сравнивать его не с чем, зато есть тяжёлые манипуляторы от Куки – грузоподъёмность тонна. Аналогичные по количеству осей и грузоподъёмности уралботы стоят десять тысяч долларов, то есть в пять раз дешевле.

- И в чём прикол? - спросил он же, - я понимаю, что комплектующие отечественные...

- Да, собственно, прикола тут ни в чём нет, - я пожал плечами, - уралботы изначально создавались как массовые машины для ВПК, для работы в грязных цехах и нечеловеческих условиях. Почему роботы у моих конкурентов стоят дороже - у них сложная матчасть, намного сложнее моих уралботов. Да, уралботы это не типичные представители семейства роботов - они скорее альтернативная ветка развития промышленных автоматов. Со временем роботы развивались в основном по направлениям усложнения матчасти, программно-технических средств, увеличения скорости и точности. Я во главу угла поставил практическую эффективность, цену и качество выполняемой работы.

- То есть, точность их работы ниже, чем у обычных промышленных роботов? - не унимался он.

- Нет, точность та же. Не всё, что дешевле - хуже. Вспомните, хотя бы, автомат Калашникова. Массовый, недорогой, надёжный, при этом без каких-либо выделяющихся недостатков. Уралбот создан по схожей философии.

Встал вопрос о деньгах. Его поднял директор Челябинского Металлургического:

- Хорошо, предположим, мы заинтересовались вашими товарами. Что вы имеете нам предложить и по чём?

- Имею вам предложить роботов, как по отдельности, так и в комплексе. По отдельности - цена указана на ценниках, в целом - я выполнил заказ товарища Зотова, а именно - сбил ценник в пять раз, по сравнению с мировыми аналогами, и локализовал производство. Комплексная роботизация - это комплекс мер по анализу производственных мощностей, желаемых результатов и роботизации. Выполняется сотрудниками Абстерго-Робо. Пока что результаты роботизации производств были более чем внушительные - отдельные виды товаров, вроде электровозов или моих смартфонов, производятся с максимальным участием роботов...

* * *

Пришлось вереницей машин ехать на моё транспортное предприятие, что бы показать людям, как работает Абстерго-транспорт. С первого раза не поверили, пришлось разуверять. После проходной мы въехали в ангары цехов. Локомотивостроительное предприятие раскидало свои производства по всему Екатеринбургу, сюда поступали уже комплектующие, на месте, однако, работало около тысячи промышленных роботов. Не уралботов, а обычных, марки Абстерго. Они работали быстро - в литейке отливали заготовки, занимались изготовлением механических деталей... Я провёл вереницу промышленников Урала по предприятию. На предприятии было удивительно чисто для этих краёв - как будто президент с инспекцией каждый день заходит. Чистота, белизна, несмолкаемый гул роботов.

Мы некоторое время посмотрели, как работает производство механики локомотивов. Цех большой, множество роботов, несколько конвейерных лент, два десятка токарных центров с ЧПУ и три человека обслуживающего персонала - сисадмин-программист, токарь и слесарь. Все трое, пока мы не пришли, играли в карты. Впрочем, ОТК так же был автоматизирован, поэтому вмешаться они должны, только если промежуточная станция контроля качества завершит о дефектах, или что-то произойдёт из ряда вон выходящее. Увиденное царство роботов, а особенно - три человека, режущихся в дурака и постоянно сходящие с конвейера шестерни, валы и детали механизмов, впечатлили моих гостей до глубины души. Кто-то предпочёл сделать вид, что ничего необычного не видит, кто-то наоборот, открыто удивился:

- Это чем же ваши работники заняты?

Работники заметили нас и карты исчезли со стола. Они почувствовали что-то неладное, такими делегациями обычно тут не ходят. Подскочили с мест.

- Сидите уж, - махнул я рукой, - накладки были?

- Нет! - отозвался тут же токарь, - ничего необычного.

- Ну тогда играйте дальше. Я тут коллегам показываю наши производства...

Однако, коллеги решили пойти посмотреть дальше. Мы посетили литейку, в которой так же работало шесть человек и два десятка роботов. Под конец сходили в сборочный цех. Там делались локомотивы, уже заказанные французами и американцами. Локомотивы стояли на колёсных платформах, сверху свисали десятки роботов, которые монтировали оборудование. Сваривали, прикручивали, сканировали и вплавляли отдельные детали. Корпуса на локомотиве не было - большая платформа, вроде грузовой, на которой стояли вплотную агрегаты, закрытые кожухами и ещё не закрытые.

- Это заказ французов, - пояснил я, - американцы уже купили десяток похожих локомотивов, а вот французы что-то долго раскачиваются...

- А нашим железным дорогам что? - тут же спросил один из группы.

- А наши раскачиваются дольше французов. Машина престижная, дорогая. Мощнее базового локомотива на пятнадцать процентов, плюс кабина больше похожа на порш или роллс-ройс. Шпон, сталь, натуральная кожа, индикаторы на лобовом стекле и кресла для персонала, примерно как в бизнес-классе авиалайнеров... Как-то непривычно нашим чиновникам покупать такие комфортные локомотивы какому-то там пролетариату. Быстрее всех отреагировали американцы, их железнодорожные компании заказали десяток, его уже отгрузили.

- И насколько увеличилась стоимость?

- С двухсот до пятисот миллионов рублей, - пожал я плечами, - это цена менее шумных и более тяговитых двигателей, теперь локомотив имеет почти впятеро больший срок службы и намного качественней. Именно после разборки американцы и французы подписали контракты, до этого смотрели на него как на очередной выкидыш российской промышленности, в который надо входить в кирзачах и чинить восемь раз в неделю...

Обиделись, но смолчали. Ну ничего, я бескомпромиссен.

* * *

БПЛА - как много в этом звуке для сердца русского слилось, как мало в нём отозвалось... именно так можно назвать результаты первых экспериментов с беспилотными летательными аппаратами. Тематика, казалось бы, благодатная - есть и промышленность, и потребность, и возможность производить БПЛА малой серией. Но вместе с тем это не интересовало никого. Минобороны смотрели на беспилотники как на бесполезные радиоуправляемые игрушки.

Именно поэтому я и обиделся. Для начала - вернулся на базу и засел в гараже, ваяя свою вундервафлю. В основу планера был заложен радиопоглощающий материал. Двигатель - электрический, аккумуляторный. Максимальной ёмкости энергоячейка и винт с изменяемым шагом, длина лопасти примерно полметра. Винт не создавал много шума, электромотор тоже, ни шума, ни тепла, ни иного излучения. Простейший адаптивный камуфляж усложнял поиск объекта на небе. После серии экспериментов в небе над Африкой, я изменил концепцию -

вместо одного винта поставил две турбины на крылья. Конвертоплан – мог летать и по-вертолётному, и по-самолётному. Под крылом могли размещаться шесть авиабомб калибра четверть тонны. Взлетать вертикально с бомбовой нагрузкой было нежелательно. Шесть корректируемых авиабомб – основное оружие, второстепенное – ракеты воздух-поверхность с многоуровневой системой наведения – на тепло, звук, телевизионная, и по лучу лазера с беспилотника или иного корректировщика.

БПЛА был похож на мотопланер, плохо маневрировал и не имел достаточной прочности, но за счёт убранного в фюзеляж боекомплекта, электродвигателей, не теряющих мощности на большой высоте и не требующих кислорода, способным развивать высокие обороты турбинам на магнитных подшипниках, он мог взлетать на огромную высоту – до сорока-пятидесяти километров. Дальше воздух слишком разреженный и тяга резко падает. На такой высоте, будучи практически необнаружимым современными радарам, он представляет особую угрозу. Особенно с бетонобойными бомбами, которые могут разогнаться при отвесном падении до больших скоростей.

БПЛА получил имя-собственное «Альтаир». Я продолжил работу над ним, и даже заказал отдельные детали на свои предприятия. Оптико-механический завод пришлось оснастить линией по производству тепловизоров и камер с графеновой оптикой.

Однако, этот сверхвысотный ударно-разведывательный БПЛА не мог обеспечить оперативную поддержку на поле боя. А воевать, скорее всего, придётся – американцы снова влезли в Ирак. Если отбросить всю шелуху СМИ, то получается одно – они систематически и целенаправленно уничтожают любых лидеров, способных остановить хаос. И хотят, что бы на почве всеобщего насилия выросла террористическая организация, которая будет контролировать весь ближний восток. Им нужен вполне понятный и видимый враг. Сначала пал Саддам Хуссейн, старый иракский лидер, потом началось истребление всех крупных лидеров арабского мира. Одного за другим – Ясер Арафат отравлен, египетский Мурсик убит, шейх Ирана спрятался, но ушёл от дел... И я предвижу, что скоро американцы добьются своего. Ближний восток займут дикие фанатики, которых можно будет просто истребить, заодно подмяв под себя весь регион.

Так как у меня в планах уничтожение нефтяной экономики, то это даже хорошо, что американцы тратят столько сил для контроля над пустыней. Вот только кроме геостратегического масштаба есть и регионально-тактический. А регионально-тактический масштаб говорит мне следующее – в России в течении всех 90х годов нефть добывалась, причём деньги за неё не попадали в страну. Фактически, конституция и законы России были написаны в госдепартаменте США, на западные деньги. Конституционная реформа – одно из главных требований США при подчинении себе страны. В девяностые Россия была подчинена и разграблена. Ядерное сердце страны – пятьсот тонн высокообогащённого урана, были проданы за пять миллиардов долларов в Америку, хотя реальная стоимость этого урана – пять триллионов. За всю историю США они синтезировали всего шестьсот тонн такого урана. Иванов, тогдашний президент – пьянь, без сторонней поддержки он был никто. И конечно же, он разрешил сделку, иначе он не мог, его бы уничтожили, благо, у госдепа было несколько кандидатур ему на смену. Но всех обошёл товарищ Лазарев. Вот он то и вырвал русскую нефть из лап транснациональных корпораций, и деньги, до того просто выкачиваемые из страны так называемым «западным» миром потекли в страну. Результат – Россия начала избавляться от набранных Ивановым долгов, а так же увеличивать свой золотой запас. И это было три года назад, пока что нефть – дорогая. И чем она дороже, тем больше доходов получает Россия и прочие страны, добывающие и экспортирующие нефть. Страна только-только пошла на поправку и начала оправляться от унижения и ограбления девяностых, если сейчас вбросить термоядерную энергию – это подломит основу возрождения страны. Необходимо поиграть на обратную сторону, то есть увеличить цену нефти. Максимально увеличить, причём, обеспечить

наиболее высокую цену и наиболее адекватное расходование нефтедолларов. Инвестиции в промышленность.

Вот придя к такому выводу, я и решил, что пора обзаводиться собственными ударными силами. Но лично мне было необходимо серьёзно поговорить с президентом, иначе похерим мы все полимеры. Одновременно с началом проектирования военной техники я начал просить аудиенции у царя. Через министра обороны.

Утром двадцать второго марта две тысячи шестого года я получил известие, мне позвонил Зотов.

- Хьярти?

- Да, товарищ министр? - тут же отозвался я.

- Как продвигается наш проект? Мне с УВЗ уже пару раз звонили, говорили о каких-то «уралботах»...

- Бюджетный вариант промышленного робота, - отмахнулся я, - специально для нужд ВПК. В пять раз дешевле обычного, как и обещал. Хотя он и попроще будет.

- Замечательно. Сдержал таки обещание. Наши финансисты уже подсчитали затраты на роботизацию некоторых предприятий и готовы сделать заказ...

- Лучше, если смету составят мои специалисты. Во-первых - они хорошо разбираются в вопросе роботизации, а во-вторых - в моей организации крайне жёсткое отношение даже к мелкому мздоимству. Готов поспорить, моя смета будет меньше.

Министр хмыкнул:

- Ладно, ладно, пушу твоих людей. На какой хочешь завод. Тут мне вчера выдался случай поговорить с президентом. Я ему намекнул на то, что ты хочешь поговорить тет-а-тет. Надеюсь, не будешь презентовать свои проекты и ему?

- Это смотря с какой стороны посмотреть, - буркнул я, - я о геополитических проблемах хотел поговорить. И о нашем взаимодействии при решении этих проблем, всё-таки я уже личность не последняя в стране. Если не ошибаюсь, мои предприятия сейчас оцениваются в двадцать пять миллиардов долларов.

Министр недолго помолчал. Помолчал, после чего ответил:

- Я так понимаю, о военной стороне вопроса вы тоже хотите поговорить?

- И о военной тоже. Пока что я не выпускал оружие на своих предприятиях. Сами знаете, Абстерго - это уже само по себе знак качества, бюджетной техникой я не увлекаюсь...

- Однако, для ВПК всё-же сделал, - заметил министр.

- Потому что это вам было нужно. Реально нужно. Плюс к тому, мои роботы, всё же, самые дешёвые в мире, что немаловажно.

- Завтра он приедет в министерство обороны. Я сказал, что ты с ним хочешь встретиться - он сказал «пусть приезжает». Успеешь?

- Конечно. Время? - я посмотрел на часы в своей спальне. Потом на широкое панорамное окно - оно открывало неплохой вид на землю. Со стороны луны она казалась такой маленькой, где-то там, далеко в небе.

- Полдень. Не опаздывай. И вот ещё что - лучше захвати что-то, что его обязательно заинтересует.

Министр отключился. Я сел на кровати и задумался. Захватить то, что его обязательно заинтересует... Вот это был номер. Нужно было захватить то, что его обязательно заинтересует... обязательно заинтересует...

* * *

Что может заинтересовать президента? Конечно же, танк. Я начал работу над созданием концепт-танка. Надо было уложиться в сутки - до одиннадцати часов завтрашнего дня. А Директор - начал согласовывать всё в ГАИ. На него работал штат юристов, которым он выдавал задания в режиме он-лайн, через СМСки и звонки.

Выбежал в гараж:

- Берси, мы делаем Танк!

- Боже. Только не налажай!

- Не беспокойся, - успокоил я его, - у меня уже неделю как мысли о постройке танка витали. С тех пор, как познакомился с директором УВЗ. Прошерсти все проекты танков в галактике, посмотри, что из этого будет хорошо воспринято тут. С близкими техническими характеристиками.

Берси выдал на-гора мне шесть интересных проектов танков. Первый - танк Крии, второй - Зонама, третий - Ксандарский, и ещё три от менее известных цивилизаций. Танки Крии строились по четырём гусеничной схеме, то есть у них было четыре независимых друг от друга гусеницы, при потере одной из них танк мог продолжить движение на оставшихся. Но у них из-за массивности гусеничного механизма не было необитаемой башни, а это не позволяло обеспечить живучесть.

В итоге я выбрал проект Зонамовского танка, решив его творчески «переосмыслить». Во-первых - танк маленький. Броня большая, крепкая, но сам танк довольно узкий. Это достигается за счёт необитаемой башни - экипаж сидит в передней части танка, в отдельной бронекапсуле. Башня имела довольно эффективный автомат заряжания - до двенадцати выстрелов в минуту, то есть долбить мог каждые пять секунд. Второстепенное вооружение - два пулемёта, спаренный с пушкой КПВТ и зенитный ПКТ на башне. Танк узкий, нос у него, как у ИС-3 - «щучий», то есть угол, предназначенный для проламывания стен. Масса - тридцать пять тонн. Танковый двигатель - газотурбинный, полторы тысячи лошадей. При такой массе, обусловленной не слабой бронёй, а компактными размерами самого танка. Пушка же наоборот, мощная 152-мм гладкоствольная. Боезапаса в тридцать снарядов вполне достаточно для ведения интенсивного боя.

Сборка танка началась тут же, плавильней работал я - делал с помощью Силы отливки. Радар АФАР пришлось снять с беспилотника, слегка переделав. Автомат заряжания был, по технике, унифицирован с уралботами. Защита от ЭМИ обеспечивалась защитным слоем внутри брони, плюс, довольно дорогая, но простая в техническом плане защита от кумулятивных снарядов - секции алмазной брони. Алмаз - самое твёрдое вещество на земле. Секции защиты от

кумулятивного боеприпаса представляют из себя вплавленные в броню алмазные пластины трёхсантиметровой толщины. При попадании кумулятивной струи алмазная пластина разрушается, но пробивающего эффекта не получается – разрушение алмаза поглощает немало энергии за счёт распределения энергии по кристаллической решётке. Поэтому алмазная броня не крепкая, хрупкая, но от одного проникающего удара защищает лучше, чем любой земной металл. Синтез алмазных пластинок, размером с книгу, был налажен на ЛК. Кристаллическая печь – довольно простое устройство. Загрузил туда полтонны угля, обратно вышли аккуратные блестящие пластинки выращенных алмазов, абсолютно прозрачные. Слойка из графена увеличивала прочность брони к разрывам, распределяя удар по большей площади. Эти же графеновые соты действовали и поглощая удар от противотанкового оружия. Классические БОПСы и стальные бронебои не имели шанса вообще. Бронекапсула своим весом уравнивала тяжёлый двигатель в корме – броня капсулы была ещё одним слоем, таким же, как и внешний. Танк получился узкий – ширина вписывалась в максимальное значение по правилам ГАИ. Это облегчило процесс регистрации – в частности, на танке можно было ездить по городу без дополнительного эскорта, так как он проходил по категории гусеничной техники, предназначенной для движения по асфальтовому покрытию – то есть с гладкими гусеницами и приемлемой массой – до сорока тонн.

Про внешние системы я промолчу – компьютер, радар, четыре камеры внешнего обзора, лазерный импульсный дальномер и радиостанция... всё довольно скромно для такой махины. Но самое главное – машина могла десантироваться с самолёта. То есть по массе и габаритам вполне вписывалась в транспортные возможности основного грузовоза армии – ИЛ-76. Хотя самолёт мог сбросить всего один танк, но всё же, не БМП, а настоящий танк с большой и тяжёлой пушкой, крепкой бронёй...

К вечеру лихорадка отпустила. Но разрешение от ГАИ так и не было получено – бюрократия-с. Разрешение на то, на это, соответствие тем и тем нормам, в общем, настоящий бред. Вершиной бреда было требование соответствия условиям безопасности движения. Что бы, значит, проезжающий запорожец не помял мой танк. Я плюнул на это всё и решил ехать так. Гаишникам можно будет дать и взятку, если потребуется, а видео с камер наблюдения подчистить.

* * *

Десять часов утра. Танк, шумя двигателем, выехал из грузового отсека аэропидера. Шикос! Мы были в подлеске, около дороги. Я отошёл в сторону – управлял всем пока что Арес. Над нами кружили БПЛА-разведчики, которые оценивали маршрут следования танка и искин знал, где сейчас пробки. Пробки были.

Я, в форме танковых войск, без знаков различия, забрался через люк на место мехвода. Тут было уютно – кресло анатомическое, посадка довольно плотная, как в спорткаре. Передо мной – два джойстика, которые имитируют рычаги торсионов. Конечно же, управляла танком электроника, но принцип был основан на минимальном времени реакции. Джойстики вперёд – танк поедет вперёд, джойстики назад – поедет назад. Разница между джойстиками – разница в скорости вращения гусениц. Резкий рывок джойстика – гусеница застопорится и танк резко уйдёт в поворот, вплоть до переворачивания. Прямо передо мной – три дисплея.

Одел очки виртуального присутствия. Мигнуло и передо мной появилась вполне чёткая картинка, как будто я высунул голову из танка. Камера была установлена в шаровой гироскопической установке, их было четыре – две передних, одна задняя и одна сверху, которая может выдвигаться высоко вверх. Перископическая. Тут же замаячили перед глазами цифры – «Топливо 95%» «Состояние 100%», «Скорость 0 км\ч», «БК:30\500\500», «Моторесурс:

100%», «Ресурс гусениц:100%».

Я убрал весь этот интерфейс, оставив только скорость и тихонько дал рычаги вперёд. Действовали они по принципу компьютерной мыши – медленно двигаешь – точнее позиционирование, быстро двигаешь – быстрее идёт. Коробка-автомат переключила меня на вторую передачу и движок медленно начал разгоняться.

Выезд на дорогу произошёл чуть с запада от Москвы, с какой-то второстепенной дороги. Проблем не было – танк легко въехал на дорогу, я занял место за каким-то паркетником. На меня пялились все, кому не лень. Хорошо в России ездить на танке! И ни один гаишник меня не остановил – танк вполне себе аккуратно ехал по одной полосе дороги, не задевая другие машины. Не знаю, что они там подумали, но никто так и не тормознул. Я съехал с шоссе и круто вписавшись в поворот, взял курс на министерство обороны. Одиннадцать часов. Час я ездил, наслаждаясь. Танк ехал очень уверенно, благодаря обратной связи на джойстиках можно было чувствовать как двигаются все его механизмы – как мелко вибрирует двигатель, как туго набирают обороты гусеницы. Это очень, очень-очень помогало при управлении. Виртуальные очки помогали ещё больше – я крутил головой, а при попадании в поток – переключался на верхнюю камеру. Слегка странное ощущение, что вроде бы сидишь тут, но вместе с тем глаза видят, как едешь по улицам. Похоже на одну игру, в которую я играл в детстве... тут её не было, а название я уже давно и прочно забыл. Но там тоже можно было ездить на машине, переключаясь на вид от первого лица, с капота машины.

На МКАДе разогнался до девяноста километров – танк с натугой набрал скорость. Разгон до сотни – тридцать восемь секунд, довольно много. Кресло позволяет почти не чувствовать вибрации машины. Сперва даже немного подташнивало от рассинхронизации между реальностью и виртуальностью, но очень быстро всё пришло в норму – адаптировался. Как человек может адаптироваться к видеоигре, воспринимая виртуальный мир, вроде бы понимает, что это виртуальность, а всё равно в животе ёкает, когда внезапно попадает пуля в голову или виртуальный персонаж падает с большой высоты.

Последний поворот... Министерство обороны. Вот оно. Я снял очки, посмотрев на мониторы и высунул из люка, остановившись на проходной. Воздух Москвы был грязным, пахивал бензином, особенно по весне. Снег уже кое-где стоял, было прохладно.

– Эй, парни, открывайте.

Вперёд вышло два солдата, с автоматами.

– Кто такой? Какого хера тут происходит? – он подошёл ближе, посмотрев на танк, – это чо ещё такое? Быстро имя назвал!

– Хьярти я. Хьярти Николсон, может, слышал? Меня Зотов пригласил, сказал, сегодня верховный приезжает, попросил захватить что-то для демонстрации. Ну вот, танк. Так что, пропустишь?

– Да ты одурел? – крикнул постовой, – какой танк? Мы же в городе.

– Тю, ты посмотри, какой он узкий. Меня даже гайцы не остановили ни разу. Короче, солдат, позвони министру, скажи, что Хьярти приехал.

– Ага, щас...

– Берси, – обратился я к своему искину, – позвони Зотову, скажи, что я на внешней проходной,

меня постовой не пропускает.

– Уже звоню. Секунду...

Пока солдат с автоматом за спиной обходил танк, из будки вылетел другой и шлагбаум тут же поднялся. Министр, видимо, быстро отреагировал. Я шутливо поклонился ему и соскользнул обратно в танк, люк за мной закрылся.

Пришлось включить внешнюю камеру – иначе хрен бы я смог припарковаться, не подавив всю эту толкотню лимузинов и машин охраны. Танк вызвал нездоровое оживление – я подъехал к главной проходной. И, вылезая, нажал на брелок. Сигнализация пикнула, как и положено. Результат – ошалевший взгляд у двух солдатиков, вышедших с проходной.

Зайдя внутрь, я протянул паспорт на ресепшен – солдат, за бронестеклом, принял документ и зарегистрировал меня. И парковочное место тоже, отдал честь, почему-то. Я машинально повторил его жест, благо, на голове был танковый шлем.

* * *

Тем временем, из кабинета министра, через бронестекло, за этим спектаклем смотрел министр обороны. Подошёл и президент, глянув на танк под окнами.

– Ты говорил, что он эксцентричный?

– Говорил. Но танк... это что-то новенькое.

– Впервые вижу такой танк, – кивнул пожилой, властного вида мужчина в деловом костюме и с коротким ёжиком седых волос, – узнаёшь конструкцию?

– Нет, – министр покачал головой, – судя по размеру башни – необитаемая. Судя по толщине пушки – где-то сто пятьдесят миллиметров, судя по ширине – там два места в передней части. Водитель и оператор оружия.

– Маловат как-то, – дёрнул щекой президент, – это несерьёзно. Думаешь, предложит нам купить?

– Хрен его знает, – тяжело вздохнул министр обороны, – он вообще предлагает всё купить. С часами его уже ознакомились?

Президент вместо ответа выставил руку, на которых красовались часы с серебряным корпусом, и стрелкой навигатора:

– Гениально и просто. Иногда на каком-нибудь приёме или объекте так заплутаешь, и дорогу спросить как-то не по чину, и за навигатором лезть как-то не принято.

– Это да. Но танк... думаю, он нам его попытается продать.

– Ошибаетесь, – прервал их голос со стороны двери.

Хьярти вошёл в кабинет, минуя секретаря, который не успел доложить. В руках у него был шлемофон танкиста, который он положил на краешек стола. Хьярти перечислил:

– Броня с пятью тысячами слоёв графена, рассеивающими энергию удара, алмазными плитами, которые полностью поглощают кумулятивную струю, полкило осмия, иридия и рутения в узлах

трения, плюс электроника на уровне современного истребителя, двигатель в полторы тысячи лошадей, система полной виртуальной реальности, синхронизирующая поворот головы и любой из четырёх камер внешнего обзора, внешняя защита с противоракетами по всем направлениям, плюс два пулемёта – КПВТ, спаренный с шестидюймовой пушкой, делающей двенадцать выстрелов в минуту, система внешнего наблюдения с четырьмя АФАР-радары, камерами сверхвысокого разрешения, а так же полностью автоматизированная СУАО, сопровождающая цель и выбирающая подходящий тип снаряда...

Присутствующие его не перебивали. Президент заслушался, однако, грустно выдохнул:

– Цена, как я понимаю, побольше, чем у Абрамса?

– Раз в двести больше. Около двух миллиардов евро. Половина стоимости – Противокумулятивные алмазные плиты, которые очень сложно синтезировать. Я работаю над удешевлением технологии, но пока что это мне не даётся...

– И ты на нём приехал? Тебя не остановили? – удивился президент, ещё под впечатлением от цены танка.

– Нет, вполне вписывается в ширину дороги, а управляемость у него лучше, чем легковой машины. Обзорность, благодаря виртуальной камере, тоже.

Нужный эффект был достигнут. Министр и президент были мягко говоря, под впечатлением. Однако, президент не поверил сразу:

– Я бы хотел увидеть эту броню. Хотя бы один алмаз.

– Я вам даже могу его подарить, в танке есть три запасных плиты, на всякий случай. Но попозже, вообще-то я хотел с вами обсудить куда более серьёзный вопрос, чем отдельно взятый танк...

Президент подобрался:

– Насколько серьёзный?

– Глобального значения.

– Товарищ министр выйдет? – он с вопросом посмотрел на Зотова, потом на меня.

– Не обязательно. Это и его касается тоже, а никаких тайн я тут не озвучу. Помимо тех, что уже известны товарищу Зотову, – я пожал плечами.

Мы расположились в кабинете. Охрана президента безмолвно стояла около стен. Я вопросительно глянул на них и президента. Проследив за моим взглядом, Лазарев сказал, что они могут остаться. Я пожал плечами. Секретарь принёс чай, после чего мы расселись за столом. Разговор предстоял тяжёлый.

* * *

– Наверное, стоит начать с того, что у моей компании есть аналитический центр. Он занимается не только анализом рынка, хотя это основное направление. Прежде всего, позвольте высказать вам признательность за вашу работу в прошлые пять лет. Вы сделали очень много...

- Не так уж, - усмехнулся президент.

- Перекрыли нефтяную кормушку госдепу, убрали их людей от власти, ликвидировали предателей внутри страны, вроде того же Осинского, расплатились с внешними долгами, начали пополнять золотой запас и заставили граждан платить налоги, да ещё и снижением налога до тринадцати процентов, а не санкциями... впечатляющий послужной список. Многие политики не могут похвастаться и одним из таких достижений. И это я промолчу про перекрытую пропаганду мистера Сороса. Хотя на этом поприще можно и нужно действовать активнее, пока что у вас достаточные достижения, учитывая объём имеющихся у вас средств.

Президент хмыкнул, переглянувшись с Зотовым:

- Хорошо, благодарю за комплимент. Но я по-прежнему жду разговора.

- Конечно. Как вы знаете, первое, что я сделал, приехав в Россию - начал модернизировать промышленность и транспортную инфраструктуру.

- Если вы про те электровозы, то пока что они уезжают в Америку... - с сомнением сказал президент, - но вы продолжайте мысль. Слушаю вас.

- Обратно мне едут деньги для производства «Уралботов» и современных станков для промышленности Урала. А я всего лишь переделал электровоз «Гранит», добавив к нему дизайнерскую кабину, стоимостью в миллион рублей. Ну и качественно подняв машину на уровень, который моим конкурентам просто не выгоден, что бы не потеряли привычные рынки сбыта продуктов и запчастей. Сейчас в моей группе компаний уже половина промышленности Екатеринбурга, причём её стоимость, при учёте модернизации, составляет девяносто процентов от стоимости всех Екатеринбургских предприятий. На бывшем Оптико-механическом заводе делают оптические сенсоры, тепловизоры и объективы на основе графеновой и монокристаллической оптики. Пока что в мире ещё даже не помышляют о промышленном производстве графена, не говоря уж про камеры сверхвысокой чёткости, я тут монополист. Бывший инструментальный завод перешёл с производства ручных станков на роботизированные токарные центры и расходников к ним. Уже получили пятьсот заказов на них из Китая - цена на наши центры на двадцать процентов ниже, чем у конкурентов, при более высоком качестве и ресурсе. Сейчас мы производим больше пятисот товаров, от микрокамер и инструментов для микрохирургии до тепловозов и гигантских робототяжеловесов металлургических предприятий.

Основная цель, которой я добиваюсь - снизить нефтезависимость России на фоне её конкурентов - США и Китая.

- А почему именно Россия? - вдруг спросил президент, - логично было бы вам работать в Америке или Китае...

- Потому, что логично, - был ему ответ, - Китай - мой естественный конкурент. Два миллиарда китайцев, им ли рассказывать про роботизацию производств? Если роботы будут более эффективны - это выбросит на улицу сотни миллионов китайцев, а это полный звиздец. А к моим технологиям я людей не подпущу, «человеческий фактор» мне не нужен. А если бы я работал на Америку - это полностью разрушило бы мировой баланс сил и позволило им задавить вас окончательно. Какой монстр из этого мог бы вырасти - даже думать не хочу. Поэтому я выбрал вашу страну, как естественный и цивилизованный противовес гегемонии штатов.

Президент задумался:

- Допустим. И в чём тут выгода?

- Не всё делается из одной только выгоды, - я пожал плечами, - я забочусь о нашей планете. Мир очень шаток и хрупок, а третьей мировой человечество не переживёт. Сейчас американцы получили по носу ощутимый удар и надеются, что период вашего правления быстро закончится и можно будет вернуть девяностые, когда американец с деньгами в России был хозяином жизни. Однако, это скорее всего закончится третьей мировой войной - избавившись от России они останутся один на один с Китаем. Сейчас ваш нейтралитет по отношению к Китаю значит, что вы можете выступить как с ними против Америки, так и за Америку, если китайцы, допустим, захотят новых территорий в Азии или даже Европе. Когда они поймут, что вы не собираетесь уходить на пенсию, и тем более - отдавать власть их пешкам - они будут действовать более жёстко. Промышленность России должна быть к этому готова, так как нефтяная зависимость уже сгубила СССР, они, скорее всего, повторят трюк с подешевевшей нефтью. Есть у них такой пунктик - повторять свои удачные ходы, даже если они вновь будут не так эффективны и предсказуемы.

- Предположим, мне про это прекрасно известно. Коротко и ясно изложил основы ситуации, дальше то что? - президент явно хотел услышать самую интересную часть. Хьярти его не разочаровал:

- А дальше прихожу я. Если вы так говорите, то просто не в курсе, ЧТО я делаю в Екатеринбурге и насколько мои товары опережают мировых конкурентов. В своё время мой смартфон уложил Джобса с сердечным приступом, остальное не менее эффективное, просто оценить это могут лишь специалисты.

- Ваш танк я видел. Впечатляет. Смартфоны-роботы - это уже как-то не моё, - улыбнулся президент, - вот про танк доходчиво. Хотя лучше это услышать профессионалам...

- Пассивная противоккумулятивная броня - это значит, что этот танк может спокойно выдержать десяток попаданий из РПГ. Основная беда танков - уязвимость для кумулятивных средств поражения, убрана. Графеновая слойка - это значит, что пробить его может только бетонобойная бомба. Бронебойные снаряды танков оставят большую, но неглубокую вмятину, а бронебойная головка остановится у алмаза, и застрянет в броне, как заноза. Виртуальная реальность - значит, обзорность у него аналогична такой же, как у человека, сидящего на броне. Полторы тысячи лошадей при тридцати пяти тоннах веса - что он может наперегонки ездить с легковушкой и его можно выбрасывать из самолёта, вместе с десантом. Плюс слой защиты экипажа идентичен внешней броне - убить его можно, только лупя по одной точке кумулятивными боеприпасами. Тандемники тут ничем помочь не смогут. Пушка шесть дюймов - больше, чем у любого другого танка. Да он один может вынести в дуэли две дюжины абрамсов за две минуты, выдержав их обстрел. Плюс совершенно уникальная система управления, которая позволяет чувствовать руками на джойстиках даже камни под траками...

Президент посмотрел на министра. Тот прикрыл глаза:

- Если бы не цена, уже бы стоял на вооружении. И не отвертелся бы ты, Хьярти.

- Знаю, - рассмеялся я, - если бы не цена, я бы вам его месяца два назад привёз, вместе с целым заводом по его производству. Сейчас у России особый период, период передышки. Америка ещё ищет рычаги давления на нефтяные страны, надеется убрать вас, товарищ Лазарев, с поста президента. Но продлится передышка недолго, вот тогда то и начнётся цугундер. Наверное, я озвучиваю тривиальную мысль?

Президент, хмыкнув, кивнул головой:

- Ничего нового пока не прозвучало.

- Хорошо. Вступительную часть я окончил, политическую диспозицию обрисовал. Теперь о вашей стране. Про развитие промышленности – я уже сделал всё, что было в моих силах. Мои заводы – это не просто отдельные производители товаров. Это производители промышленности...

- В каком смысле? – спросил Зотов.

- Роботы-рабочие, станки, инструменты, электровозы для передвижения грузов по стране и оборудование для превращения этих грузов из руды в готовый товар. Я не просто так скупил все эти заводы и предприятия, вместе они производят не только товары, но и новые, высокотехнологичные заводы. Сейчас у меня есть ресурсы и возможность создать где угодно любое производство. Танков, самолётов, компьютеров, даже атомных реакторов, а через два года я смогу производить атомные авианосцы и космические ракеты. Уж слишком специализированные области.

- И это на базе одного промышленного города? – президент не поверил ни капли.

- Учтите, что я очень глубоко и серьёзно модернизировал купленные предприятия. Техническая сложность продукции повысилась многократно. Взять хотя бы ваши часы, – Хьярти кивнул на часы президента, – я не купил ни одной детали на стороне, их целиком и полностью создали на моих предприятиях. Сначала на головном, потом распределил по другим. Электроника с головного, механика с инструментального завода, стекло с оптического. И оборудование, которое их производило, тоже на сто процентов моё, собственное. Ни одного стороннего станка или детали оборудования при производстве задействовано не было. Абстерго – это замкнутый промышленный микрокосмос.

- Хорошо, – мягко кивнул президент, – я понял вас, это очень интересно. Но наверное, есть цель у нашего разговора?

- Да, конечно. Что я могу, я вам объяснил, теперь перейду непосредственно к вариативности дальнейших действий, – Хьярти улыбнулся, – вариативность заключается в том, что на данный момент, совместно со мной, Россия могла бы вернуть себе позиции пусть не пятидесятых, но восьмидесятых годов, утраченные с развалом союза. Я создал механизм по созданию промышленности и обкатал его на Екатеринбурге. Успех – оглушительный. Объёмы продаж Екатеринбургских предприятий на мировом рынке за прошедший год увеличились на тысячу двести процентов. И это было ещё до начала продажи техники с заводов, в этом году мы уже перекрыли по объёмам продаж прошлогодние показатели, а на дворе только весна.

- Это, конечно, очень интересно, но... – начал было министр обороны, но президент его прервал жестом. Хьярти, улыбаясь, пояснил:

- Товарищ Зотов, мы говорим о деньгах. Более того – о импортозависимости. Каждый завод приносит прибыль и снижает импортозависимость страны. Впервые, с начала девяностых, страна получает ощутимые доходы от импорта высокотехнологичных товаров – смартфоны, оптика, электроника, роботы, электровозы. И импорт не куда-нибудь в Гондурас, а в штаты и Евросоюз! Готов поспорить, когда американский президент увидел у своей свиты смартфоны с надписью «Мэйд ин раша» у него в голове начал складываться новый пазл картины этого мира. Пока он ещё только начал складываться...

- А он увидел? - улыбаясь, спросил Лазарев.

- И отчитал своего помощника, тет-а-тет, - ещё больше усмехнулся Хьярти.

- Откуда вам то известно?

- Есть источники, - скользко ответил Хьярти, - но пока что у него всё в порядке. Я американец, вот он и думает, что в приступе эксцентризма я вдруг решил разместить сборку смартфонов в сибирской глуши.

- Это же Урал?

- Американцы знают только Сибирь, - Хьярти махнул рукой, - ладно, перейдём к делу. Штаты на данный момент активно рвутся участвовать в событиях на ближнем востоке. Пока только что бы получить негласный контроль над нефтью. Хотят провернуть трюк с обрушением цен. Можно не только пассивно готовиться к этой неприятности, но и парировать удар в месте его нанесения...

- То есть?

- Вам выгодна дорогая нефть. Теоретически, цену на неё можно взвинтить до двухсот долларов за баррель, именно такая ситуация является наиболее прибыльной. А если повышение цены будет связано с войной на ближнем востоке и уменьшением добычи нефти в Саудовской Аравии, Ираке, Иране, Ливии и Сирии. Это одновременно повысит доходы госбюджета и позволит создать промышленность по уже опробованному сценарию. При этом, если в России максимально интенсифицируется добыча и продажа нефти, угля и газа, за десять лет Россия выйдет из нефтяной зависимости. Через три года появится техническая возможность создать весь спектр собственной электроники - компьютеры, сетевое оборудование, телевизоры, управляющие системы... американцы сориентируются и захватят контроль над нефтью, но он уже не даст им рычаг давления на Россию. А что? Энергоносители свои, ресурсы тоже, промышленность относительно обособленна и может перейти на свои ресурсы. Рычаг давления, который был создан в СССР, с переходом на нефтедоллары, будет сломан и не поможет. Вот тут уже возможны разные варианты развития событий, но основное место России останется таким же, и стабильность позволит создать преемственность власти, как у американцев - президенты меняются, а политика остаётся прежней. Всё, мировой балансир создан и ужасные последствия разбалансировки системы рассосутся сами собой, или при небольшом толчке...

- То есть, место мирового лидера нашей стране вы не желаете?

- Упаси боже. Неконтролируемый рост, нет возможности остановиться... если бы американцы могли остановить или ослабить свою экономическую и военную экспансию - давно бы это сделали. Однако, если остановятся - сначала начнётся огромный кризис, а потом благодарные за грязные и кровавые методы, другие страны, разорвут Америку на части, как разорвали Германию в сорок пятом.

* * *

Обсуждение длилось уже два с половиной часа. Президент явно выбился из графика. Однако, надо было продолжать.

- Не стану лукавить, обрисованная вами картина очень привлекательна. Однако, есть подводные камни политики, которые вы не учитываете.

- Я учитываю всё, - я посоветовался мысленно с Берси, - вплоть до мелочей. Просто вы переоцениваете некоторые проблемы и не учитываете, насколько некоторые страны будут рады быть хоть бы и с Россией, лишь бы не с Америкой. По крайней мере, так полагает мой аналитический центр, после анализа вашего аналитического центра.

- Хорошо, допустим, - президент тяжело вздохнул и отпил полстакана крепкого чая, - но допустим, что арабы будут на нашей стороне... Допустим...

- На вашей стороне будут Сербы, Приднестровье, можно рассчитывать на СНГ и Индию, если индусам помочь в их проблемах с Пакистаном.

- И на кой хрен? - грубо спросил президент.

- Военно-морская база в Качском заливе. Индия находится прямо рядом с Аравийским полуостровом, отсюда легче всего действовать по морским границам Аравии. В Индии можно было бы расположить центральный перевалочный пункт для грузов в Аравию, а расстояние там до Аравии... средний бомбер, типа Ту-22 будет иметь возможность невозбранно посыпать бомбами весь ближний восток. Корабли смогут десантировать и эвакуировать солдат в течении одного дня по всему полуострову.

Президент же, пока я говорил, развернул карту мира, посмотрев на указанные мною места.

- Иметь ВМБ в индийском океане, особенно при дружественной Индии - это мощно, - прокомментировал министр обороны, - амеры, пока там наша база, не сунутся, а открыто мешать нашим военным - засрут, я их знаю.

- Не уверен. Но провокации будут, как в восьмидесятых у Крыма... - задумался президент, - ты мне скажи, можем мы сделать подобный ход, или нет? - обратился он к Зотову.

- Мочь то можем, да только технически... промышленность пока не потянет постоянное снабжение двигателями и нефтью на таком расстоянии.

Я вмешался:

- Одну из стран можно сделать дружественной и покупать там нефть, незадорого. В обмен на неприкосновенность и военную помощь в защите от соседей-алахабаров. Перерабатывать её в топливо уже в Индии, прямо в том же заливе поставить НПЗ. Расстояние там маленькое.

- Выгодно... - задумался министр, - скажем, Катар. Как идея?

- Дело серьёзное, - задумался президент.

- От нас же нужно только обеспечить низкие темпы добычи нефти, верно? То есть та страна, которая дружественна нам, сможет получать двойной доход со своих промыслов. А остальные - падут жертвой конкурентной борьбы, - заметил я.

- Американцы вмешаются. Причём, самым наглым образом, просто займут позиции в ОАЭ...

- И что? Полежут войной в Индию? Или будут воевать с нашими базами? - спросил я, - у нас прямое железнодорожное сообщение и дружественная страна за плечами, у них в регионе - поставки всего, вплоть до туалетной бумаги, за тридевять земель. В итоге они будут в невыгодном положении, как бы не старались. Им нужно обеспечивать безопасность сотен нефтедобывающих объектов, вплоть до противоракетной. Нам - точно выбивать объекты

инфраструктуры добычи и транспортировки нефти. Сами мы через пролив, в индии, нападать на нашу базу они не рискнут. Плюс нам по любому понадобится перевооружать армию, так мы сбавим туда старую технику, вплоть до техники времён войны, нашим «арабским союзникам».

– И в кого они стрелять будут? В американцев?

Без разницы, в кого – друг в друга, или в американцев, главное, что бы не в нас. А всеобщий хаос породит волну мигрантов, если предварительно оборудовать средства переправки беженцев в Европу, то вообще хорошо...

– Что ж хорошего? – спросил Зотов.

– Евросоюз не однороден. А расовый вопрос всегда был наиболее болезненным после войны. Если в Европу хлынут беженцы, то Евросоюз начнёт лихорадить. Им придётся вырабатывать новую миграционную политику, конфликт между их рукопожатным либеральным настроением и реальностью, где грязные чурки в каждой подворотне хотят обокрасть бедного француза или датчанина – это серьёзно ударит по единству Европы. После дюжины громких скандалов будет ломка системы ценностей. В конечном счёте Европа либо будет поглощена арабским миром, став новой горячей точкой, где мы сможем вмешаться на стороне коренных европейцев, получив власть над большей частью страны и выгнав арабов, либо они справятся сами, но при этом их единству придёт конец, а это в любом случае их ослабит.

26-108

В Москве я устроился в отеле. Лазарев предложил мне проехаться с ним, в лимузине, но я в ответ пригласил его к себе. В танк. Посмеявшись, мы двое забрались в танк, президент — на место стрелка. Он тоже одел очки виртуальной реальности, ахнув и начав вертеть головой. Взял в руки пульт управления оружием и нечаянно нажал на спуск.

Такого количества мата от министра обороны я, наверное, не услышу уже никогда. Лазарев тоже ошалел, после чего набросился на меня с упрёками:

— Ты чего это, в Москву приехал на танке, да ещё и с оружием?

— Спокойно, — я приподнял очки, — все снаряды тут холостые.

— Ну... — он нервно рассмеялся, — но больше на танке в городе не передвигайся.

— Ладно, обещаю. А жаль, так хоть мне всегда дорогу уступают и не подрезают.

Выехать пришлось всё-таки на машине, причём, мы с президентом разъехались. Лазарев предложил мне составить план действий, я же в ответ выдал ему готовый документ в пару сотен страниц, в котором описано и экономически обосновано дальнейшее воплощение озвученного плана. Он забрал документ, судя по всему — что бы показать кому-нибудь из своих людей.

В итоговом плане «Буря в стакане» было расписано при помощи Берси, Ареса и Директора, дальнейшая комплексная война против западного мира, вместе с ослаблением потока арабской нефти. План искины разделили на четыре главных этапа. Описывалась постройка ряда заводов, создание и модернизация сложнейшей из военной техники — истребители, бомбардировщики, штурмовики, штурмовые вертолёты, универсальные десантные корабли и высокоточные ракеты. А это значит — гигантские верфи, способные создать полноценный авианосец. Авианосец не утратит своего значения ещё очень долго. Я слышал, что амеры разрабатывали

даже большой летающий авианосец. Ужасающий бред, созданный, разве что коллективным бессознательным, так как именно авианосец укрепился в подсознании американцев как идеальное оружие «хороших парней». В реальности же уязвимость у него будет чудовищной — триллион долларов, выброшенные в урну с одной ракеты, попавшей в турбину, или одного вируса, который перехватит управление реактором и устроит им смесь Хиросимы и Чернобыля.

Три этапа плана просты, как три рубля. Первый — выпускаем больше бурового оборудования, НПЗ, выпускающие больше нефтепродуктов, увеличиваем добычу нефти до максимума, строим ключевые предприятия авиации и флота, а так же машиностроение. Второй этап — кадровые вопросы. Кадровые вопросы армии, кадровые вопросы промышленности — институты, университеты, армейские училища и учебки. Третий этап — война. Но тут и так всё ясно. Одних только вариантов начала войны было больше двух десятков. Ещё, теоретически, был четвёртый этап — сворачивание операции. Когда американцы поймут, что их имеют, они отреагируют. Держаться за ближний восток страна не будет, поэтому при вероятности войны с Америкой — отступит. Но тут было столько вариантов, что это фантомный этап.

* * *

Гостиничный номер, в который меня поселили, был уютен. Да, я, как приезжий, гордо отказался от приглашений Лазарева и Зотова, решив пока пожить в гостинице.

Вежливый и услужливый служка проводил меня в комнату, а через полчаса, пока я валялся на кровати и пытался уложить поровнее миллион мыслей, роящихся в головушке, пришла и служанка. Привезла ужин, который я заказал при поселении в гостиницу. Большая тарелка гречки, в которой кусков свинины было столько же, сколько каши, борщ украинский, бутылка нефilterованного бельгийского пива и пол-литра минералки. Для одной из лучших гостиниц в России — это очень нетипичный заказ, однако, его выполнили быстро.

* * *

— Бред! Вздор! — возмущался Арсений Семёнович, — прожектёрство!

— Арсений Семёнович, всё же, я прошу вас серьёзно отнестись к работе. У меня есть очень веские основания считать материал плана реалистичным вариантом развития событий, — вежливо сказал Лазарев.

— Реалистичным? Вы смеётесь? Что с нами сделают в ООН, если мы разместим базы в Индии?

Президент устало вздохнул. Была уже полночь, а спорить с главой центра стратегического анализа ему было совершенно неприятно. Но тем не менее...

— Хорошо. Скажите, как в ООН отреагировали на размещение американских баз в Ираке?

— К чему это вы?

— К тому, дурья твоя башка, что если мы и дальше будем жаться в угол — нас заплюют. Неужели не понимаешь? Да я заверну там такую же речь, что и американский президент — про мир, демократию, защиту от террористов, про бравых русских парней и грязных террористов...

— Они отнесутся к этому негативно. Все. Вот поэтому я и говорю — прожектёрство.

— Да мне насрать! — прервал его Лазарев, — слушай сюда, Сеня, или ты даёшь мне

реалистичный план, как нам до шестнадцатого года выйти на показатели влияния и экономики уровня восьмьдесят пятого года, либо я принимаю этот план. Другого у меня нет, — президент развёл руками.

— Хорошо, хорошо, не кипятись..., а теперь подумай — где мы возьмём деньги на создание заводов? Это ведь море денег...

— Не так уж. Это предложил достаточно компетентный в вопросе промышленности человек.

Арсений только грустно вздохнул. План, предоставленный ему, был похож на бред обкурившегося патриота, в нём не было учтено очень многое.

Лазарев же, почувствовал неприязнь к своему бывшему горячему стороннику — этот человек, хотя и пытался объяснить ему свою точку зрения, слишком заглядывал в рот всем власть имущим странам запада...

— Вот что, Сеня. Покажем силу — заткнутся. Они и так попытаются меня сместить и посадить своего ставленника, который продолжит процесс уничтожения страны, поддержки их я в любом случае лишусь. Зацепятся за какую-нибудь мелочь и начнут меня поливать грязью, как всемирное зло.

* * *

Утро было прекрасным. Наелся вчера от пуза, отоспался до ломоты в костях, с утра солнышко светит, весна в разгаре. Хорошо, что у меня всё с собой — в пространственном кармане. Там был гардероб, приодевшись получше, я спустился вниз и совсем было уже хотел покинуть Москву, как вдруг, можно сказать, внезапно, позвонил телефон.

— Алло?

— Хьярти, это я, Зотов...

— Да, доброе утро, товарищ министр.

— Утро добрым не бывает.

— Не скажите! Вот я вчера отъелся, отоспался, приоделся, а сегодня солнышко светит...

— Счастливый человек. Ладно, что звоню то. Со мной тут советовался президент и всё утро звонили. То из ФСБ, то из аналитиков, то от уральских промышленников...

— А гебня то тут при чём? — удивился я.

— Думаешь, — хохотнул министр, — проехал по Москве на никому не известном танке и можешь ехать себе дальше?

— А что не так? Танк вы не купите? Не купите. Разглашать ТТХ надо? Нет, не надо. Вот и говорите всем интересующимся «Без комментариев». Пусть сами себе выдумывают удобные версии, догадки, теории, разные конспиролуки это дело любят. Меня это дело не касается, танк я заберу, наверное. Или пусть пока постоит у вашего министерства, что бы, так сказать, окончательно навести тень на плетень и разжечь паранойю у вероятного противника.

— Именно так и делаем, кстати. Танк пока укрыли брезентом, но журналисты около забора стоят уже с раннего утра. А остальные — как говорится — инициатива дрючит инициатора...

Я задумался. Была похожая поговорка у Ксандарцев. Но только что это значит. Отошёл из потока людей и встал около какого-то ларька с шавермой.

— Слушай, ты изъясняйся проще, я человек не местный.

— Ох, забыл. Ладно, слушай, Лазарев хочет сделать тебя ответственным за выполнение этого плана, вернее, его части. Ты и так подписался работать на правительство, он хочет на тебя повесить ещё гору ответственности и областей, которые нужно держать на постоянном контроле. Ты потянешь?

— Что именно?

— Скажем так, ответственным за выполнение плана должен стать кто-то. Администратор. По каждому направлению будут работать свои специалисты, отчитываться в свои министерства и ведомства, однако, все порознь они пойдут кто в лес, кто по дрова. Надо найти готового человека, администратора, который мог бы держать на личном контроле проекты, следить за выполнением заказов, плановых показателей, мотивировать специалистов...

— Короче, типа менеджер.

— Да.

* * *

Если вывести из разговора итог — на меня свалили, собственно, мой план. При этом, мне нужно было постоянно ездить по предприятиям, проводить модернизацию, следить за производством нужных для ПЛАНА техники. Конечно же, военные сами организуют усиленную подготовку морпехов и ВДВ, но...

Сперва — первый пункт моего плана — создание мощных военно-воздушных сил. Как в техническом плане, так и в плане снабжения. Я вернулся на луну, где и начал надрючивать искинов. Директор подготовил список предприятий, план их модернизации и расчётные показатели выпуска продукции. При этом необходимо было сделать спираль и снова перейти к схеме с консолидацией производственных мощностей. То есть сведением их в одну область, из сотен различных больших и маленьких предприятий-поставщиков.

Завод Абстерго-Авиа начали строить ещё два месяца назад, когда я решил начать потихоньку входить в жизнь авиации. Сейчас этот проект получил первостепенное значение и первостепенное оснащение. Началось возведение авиастроительных зданий, благо, это были пусть и очень большие, но простые эллинги.

Сел в кресло, проверив пока всё, что у меня есть.

— Не беспокойтесь, Хьярти, я помогу вам всем, чем смогу.

— Я не беспокоюсь, — вздохнул я, — я боюсь, что мы можем не справиться.

— Справимся. Хотя иногда придётся корректировать планы, это я уже сейчас могу предсказать.

— Так-то оно так, директор, однако... столько различных предприятий... я даже не знаю, с чего начать...

— Предлагаю для начала выдать всем руководителям предприятий и активным участникам смартфоны с шифрованной связью. Нам необходимо защитить секреты нашего проекта. Далее — не посвящая их в главную тайну, плавно вести их в нужную сторону. Сейчас я уже проанализировал личные дела участников проекта. Нам нужно вести пять основных направлений. Это ядро авиапрома — предприятие «Абстерго-Авиа», собственные авиационные заводы России, а так же построение верфей, способных изготовить крупные корабли.

— Ты назвал три пункта...

— Я назвал авиационные заводы одним пунктом. Я бы предложил свести все авиастроительные мощности в городе Липецке. При условии дешёвой транспортной мощности, смысла разносить предприятия не вижу. Город расположен достаточно далеко от Москвы и госграницы...

<http://tl.rulate.ru/book/77833/2353171>